

Религиоведение. 2024. № 4. С. 25–35.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2024. No. 4. P. 25–35.

DOI: 10.22250/2072-8662-2024-4-25-35

Козлов М.Н.

*Севастопольский государственный университет
299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33
knn_75@mail.ru*

К вопросу о христианизации мери в конце X – начале XI вв.

Аннотация. На основе письменных источников и данных археологии проведена историческая реконструкция событий, связанных с христианизацией финно-угорского племени меря в конце X – начале XI вв. Принятие православия мерянским племенем стало поворотным моментом его истории. Детальный анализ процессов христианизации мерян даёт возможность не только более глубоко исследовать судьбу этого финно-угорского народа, но также уточнить многие детали истории славянской колонизации Северо-Восточной Руси. В статье подчёркивается, что отечественные исследователи не акцентировали своё внимание на событиях, связанных непосредственно с крещением мерянского племени. В процессе исторического исследования автор привлекал тексты древнерусских летописей XII–XVII, «Жития» просветителей ростовской земли, а также материалы археологических исследований мерянских поселений и могильников X–XI вв. В исследовании использовались историко-аналитический и проблемно-хронологический методы исторического исследования. При сопоставлении различных теоретических взглядов по анализируемым проблемам были использованы также методы сравнительного и ретроспективного анализа. Автор приходит к выводу о том, что христианизация мери прошла несколько этапов. Первый её этап совпал с периодом правления князя Ярослава Мудрого. На мерянских землях были построены города с христианскими храмами и воинскими гарнизонами, которые стали форпостами великокняжеской власти. Масштабного крещения князю Ярославу Владимировичу и епископу Федору добиться не удалось, однако были созданы все условия для последующей христианизации мерянского племени. Второй этап христианизации пришёлся на начало XI в. В период правления князя Бориса Владимировича мерянские племена вынуждены покинуть традиционные городища и посёлки и переселиться в славянские поселения. Параллельно с переселением мери произошла её насильственная христианизация.

Ключевые слова: христианизация мери, епископ Федор, князь Ярослав Владимирович, князь Борис Владимирович, мерянские поселения, мерянские могильники

Mikhail N. Kozlov

*Sevastopol State University
33 Universitetskaya st., Sevastopol, 299053, Russia
knn_75@mail.ru*

On the Issue of Christianization of The Meryans at the End of the 10th – Beginning of the 11th Centuries

Abstract. Based on written sources and archaeological data, a historical reconstruction of the events associated with the Christianization of the Finno-Ugric Merya people at the end of the 10th – beginning of the 11th centuries were carried out. The adoption of Orthodoxy by the Meryans was a turning point in its history. A detailed analysis of the processes of Christianization of the Meryans makes it possible to not only more deeply explore the fate of this Finno-Ugric people, but also clarify many details about the history of the Slavic colonization in North-Eastern Rus'. The article emphasizes that Russian researchers have not focused their attention on events directly related to the baptism of Merya people. In the process of historical research, the author drew on the texts of ancient Russian chronicles from the 12th–17th centuries, the “Life” of the enlighteners of the Rostov Land, and materials from archaeological research on Meryan settlements and burial grounds from the 10th–11th centuries. The study used historical-analytical and problem-chronological methods of historical research. When comparing different theoretical views on analyzed problems, comparative and retrospective analysis methods were also used. The author concludes that the Christianization of Merya went through several stages. Its first stage coincided with the period of the reign of Prince Yaroslav the Wise. Cities with Christian churches and military garrisons were built on the Meryan lands, becoming outposts

for the grand duchy's power. Prince Yaroslav Vladimirovich and Bishop Fedor did not achieve large-scale baptisms, but all the conditions were created for the subsequent Christianization of the Meryans. The second stage of Christianization occurred at the beginning of the 11th century. During the reign of Prince Boris Vladimirovich, Meryan people were forced to leave their traditional settlements and villages and move to Slavic ones. In parallel with the resettlement of Meryans, their forced Christianization took place.

Key words: Christianization of Meryans, Bishop Fedor, Prince Yaroslav Vladimirovich, Prince Boris Vladimirovich, Meryan settlements, Meryan burial grounds

Введение

История христианизации финно-угорских и балтийских народов, населявших некогда северные и северо-восточные районы Древней Руси, составляет важную часть древнерусской истории. Без её детальной реконструкции невозможно досконально изучить историю колонизации восточными славянами восточных и северных окраин древнерусского государства. Особый интерес в этом отношении вызывает христианизация племени меря – одного из самых могучих финно-угорских племён, населявшего некогда значительную часть территории Верхнего Поволжья.

Большинство отечественных историков в своих исследованиях, посвящённых распространению христианства в Верхнем Поволжье, в основном акцентировало внимание на времени возникновения здесь того или иного русского города или периоде установления епископата в Ростове [Рапов, 1988, 277–290; Щапов, 1989, 20–23; Кузьмин, 2004, 227–230]. В трудах советских и российских археологов В.В. Седова, И.В. Дубова, А.Е. Леонтьева систематизированы многие материалы археологических исследований мерянских поселений и могильников, что позволяет провести реконструкцию не только материальной, но и духовной жизни мерянского племени конца X – начала XI вв. [Седов, 1987; Леонтьев, 1996; Леонтьев, <https://www.liveinternet.ru/users/sherlock/post47318095/>; Дубов, 1982; Дубов, 1990]. Однако реконструкция событий, связанных непосредственно с крещением мерянского племени, практически не проводилась

На данный момент в отечественной гуманитарной науке не существует целостного научного исследования, которое бы осуществило историческую реконструкцию событий, связанных с христианизацией мерянского племени.

Историческая реконструкция событий, связанных с христианизацией мерянского племени – основная цель данной статьи.

Самыми ценными источниками, содержащими информацию о религиозной жизни мери и исторических событиях, связанных с её крещением, являются древнерусские летописи и жития святых, посвящённые просветителям Ростовского края. Например, в «Повести временных лет» и целом ряде поздних летописей содержится информация о походах первого русского митрополита в Ростовские земли в конце X в., а также о деятельности первых ростовских епископов и древнерусских князей. В «Житии Авраамия Ростовского» и «Житии Леонтия Ростовского» сообщаются некоторые ценные сведения о религиозной жизни Ростовского края конца X–XI вв. [Повесть, 1950; Никоновская летопись, 1862; Владимирский летописец, 1965; Летописный свод 1497 г., 1963; Житие, 1893; Житие, http://krotov.info/acts/11/3/avraam_rostov.htm/].

Важная информация, проливающая свет на верования и культы ярославской мери в начале XI в., содержится в народном предании «Сказание о построении града Ярославля», записанном в XVIII в. архиепископом Самуилом Миславским. По мнению И.О. Тихомирова, «Сказание» восходит к какому-то письменному источнику XI в., не дошедшему до нашего времени [Тихомиров, 1909, 38]. В свете реконструкции исторических событий, связанных с религиозной жизнью мерянского племени, важную роль играют также материалы раскопок мерянских поселений и могильников конца X–XI вв.

В процессе исследования применялись специальные методы познания, такие как историко-аналитический и проблемно-хронологический. При сопоставлении различных теоретических взглядов по анализируемым проблемам использован метод сравнительного и ретроспективного анализа.

Основная часть

В конце X в. самые многочисленные группы мери располагались вокруг озёр Неро и Плещеево. Археологами были исследованы несколько десятков небольших мерянских поселений (X – начала XI вв.), расположенных вокруг у озера Неро. В центре этого гнезда поселений в глубокой излучине р. Сары на высоком и хорошо защищённом месте находился мерянский племенной центр – Сарское городище. Мерянский племенной центр возник в VI–VII вв. н.э. и просуществовал вплоть до начала XI в. Вокруг озера Клешино (Плещеево) разместилось другое гнездо поселений с центром в городище на Александровой горе. Хронологическая принадлежность исследованных мерянских памятников может быть определена в рамках VII – начала XI вв. [Леонтьев, 1996, 37–40, 44–45, 67, 73–75].

А.Е. Леонтьев обратил внимание исследователей на тот факт, что обе группы мерянских археологических памятников расположены всего на расстоянии 25 км. друг от друга. По мнению исследователя, мерянские поселения, расположенные вокруг озёр Неро и Плещеево, составляли единую этнокультурную общность [Леонтьев, 1996, 51].

Из «Сказания о построении града Ярославля» мы узнаём о том, что в состав удела князя Ярослава Владимировича в конце X – начале XI вв. входило поселение Медвежий угол, расположенное некогда на территории нынешнего города Ярославля. Согласно данному источнику, ростовский князь обращается к жителям Медвежьего угла: «Кто вы такие? Не те ли самые люди, которые клятвою уверяли перед своим Волосом верно служить мне, князю вашему?» [Сказание, 1877, 9–10].

Исследователи связывают поселение Медвежий угол с небольшим мерянским посёлком, расположенном некогда на высоком коренном берегу реки Которосли, практически на водоразделе между этой рекой и Волгой на территории нынешнего Ярославля. Его следы были обнаружены в 1938–1940 гг. при раскопках Успенского собора в археологическом слое X – начала XI вв. [Воронин, 1949, 186–187]. Недалеко от Медвежьего угла были обнаружены учёными ещё несколько городищ, населённых смешанным славяно-мерянским населением – Петровское, а также Большое и Малое Тимирево [Дубов, 1990, 79–83].

Интересно, что керамика мерянских поселений, расположенных вокруг озера Плещеева, аналогична по форме и составу теста находкам в мерянских захоронениях Ярославских курганов и расположенных рядом поселений. Надо отметить, что не только по керамике, но и по топографии, размерам, характеру культурного слоя и другим признакам эти поселения близки между собой. Аналогичны и их датировки – IX–XI вв. [Дубов, 1990, 93].

Согласно данным археологии, в конце X в. существовали и другие мерянские группы. Так, исследователями было обнаружено Мало-Давыдовское городище на левом берегу реки Иремси в Гаврило-Посадском районе Ивановской области. Во Владимирской области к мерянским укрепленным поселениям относят Сунгирское, Теньковское и Якиманское городища. В Костромской области у деревни Попово было исследовано Ухтубужское мерянское городище. Недалеко от него в низовьях реки Стежеры, левого притока Волги было обнаружено мерянское Дурасовское городище [Седов, 1987, 70–71].

Меряне занимались в основном пашенным земледелием и скотоводством. Прослеживаются также признаки добычи охры и местной болотной железной руды [Леонтьев, 1996, 42, 58]. Ведущими отраслями хозяйства смешанного славяно-мерянского населения, проживающего в городищах Ярославского Поволжья, были ремесло и торговля. В местных поселениях и синхронных им курганах найдены многочисленные предметы, относящиеся к кузнечному и литейному делу, ткачеству, обработке дерева, кости, кожи. Находки оружия и украшений импортного происхождения, весов, гирек арабских монет и других привозных изделий говорит в пользу того, что местные жители также активно занимались торговлей [Дубов, 1990, 79–83].

Типичными для мери являются грунтовые могильники с захоронениями в ямах. В настоящее время исследовано четыре таковых: Сарский, Хотимльский, Сунгирский, Новленский. Могильники биритуальны. Встречаются как захоронения,

совершенные по обряду кремации, так и ингумационные погребения. Захоронения по обряду трупосожжения и труположения одновременны и не различаются по составу инвентаря [Седов, 1987, 73–74].

Начиная с IX в. ярославская мера постепенно включается в контакт со славянами. Меняется погребальный обряд – вместо грунтовых захоронений появляется обычай насыпания курганов. Вместе с тем здесь появляются уникальные обряды, не зафиксированные исследователями ни в славянских, ни в мерянских могильниках, расположенных вокруг озёр Неро и Плещеево. Так, в ярославских курганных могильниках учёные находят имитации «домиков мёртвых», глиняные лапы и кольца. Подобный погребальный инвентарь учёные фиксировали также во владимирских и костромских курганах [Дубов, 1982, 11, 16].

Курганные могильники появились в других мерянских землях в X в. До конца X в. захоронения в курганах производилось по обряду кремации. В конце X в. появились труположения, и некоторое время оба обряда сосуществовали [Седов, 1987, 75].

В «Повести временных лет» мера упоминается среди племён, плативших дань князю Рюрику, а также в перечне народов, принявших участие в походе князя Олега [Повесть, 1950, 12–14].

К сожалению, мы не знаем, как развивались взаимоотношения между мерянским племенем и Киевом на протяжении большей части X в. После 912 г. мера не упоминается в древнерусских летописях вплоть до сообщения о распределении русских земель между сыновьями князя Ярослава (под 988 г.).

Показательно, что никаких бытовых предметов восточнославянского происхождения, относящихся к периоду ранее конца X в., исследователи в мерянских поселениях не зафиксировали. Можно предположить, что между руссами и мерей вплоть до прихода князя Ярослава Владимировича не велась оживлённая торговля.

Интересно, что в конце X в., то есть непосредственно перед походом киевской дружины в ростовские земли, вокруг мерянского племенного центра, Сарского городища, возникли новые мощные защитные валы [Леонтьев, 1996, 76].

Показательным выступает также судьба Михайловского городища, расположенного в Ярославском Поволжье в 10 км к северу от будущего Ярославля на левом берегу Волги. Согласно данным археологии, городище возникло в IX в., а своего расцвета достигло в середине X в. Основным населением Михайловского городища были восточные славяне и норманны. В местных курганах в изобилии представлены оружие и конское снаряжение. Мерянский элемент в Михайловском городище и окружающих его курганах представлен не был. Во второй половине X в. Михайловское городище было оставлено, прекратились захоронения в местных курганах [Дубов, 1990, 68–69]. И.В. Дубов вполне резонно видит в Михайловском городище восточнославянский воинский форпост на Волжском Пути [Дубов, 1990, 68–69].

Таким образом, можно сделать вывод о существенном ослаблении влияния киевских властей в Ярославском Поволжье в середине X в.

Начало первого этапа христианизации мери можно связать с походом древнерусских дружин в ростовскую землю в начале 90-ых гг. X в. Согласно данным археологии, в конце X в. на месте одного из мерянских поселений был построен город Ростов с христианской церковью Успения Богородицы, населённый смешанным восточнославянским и мерянским населением [Леонтьев, 1994; Леонтьев, <https://www.liveinternet.ru/users/sherlock/post47318095/>; Леонтьев, 1991, 3–6]. Таким образом, в этот же период должна была начаться и миссионерская деятельность.

Датировки описываемого похода и состав его участников достоверно не были известны даже летописцам XVI–XVII вв. В поздних летописях начало похода относят к 990, 991 или 992 г. Возглавляет его митрополит Михаил или сам князь Владимир. В Летописном своде 1497 г., например, сообщается о том, что Ростовскую землю в 990 г. крестил сам пришедший сюда с дружиной князь Владимир [Летописный свод, 1963, 18]. Во Владимирском летописце о походе под предводительством митрополита Михаила сообщается под 991 годом [Владимирский летописец, 1965, 38].

В Никоновской летописи подряд представлены обе противоречащие друг другу версии событий. О 991 годе говорится следующее: «Иде Михаил митрополит

по Русской земле и до Ростова, с четырьмя епископами Фотия патриарха, и с Добрынею и с Анастасом» [Никоновская летопись, 1862, 64]. А уже относительно 992 г. сообщается о походе на ростовскую мерю самого Владимира, который «крестил всех» и заложил город Владимир: «Въ лѣто 6500 (992) ходи Володимиръ въ Суздальскую землю, и тамо крести всѣхъ; бѣ же съ Володимеромъ два епископа Фотѣя патриарха. И заложил тамо градъ въ своё имя Володимеръ, на рѣцѣ Клязьмѣ» [Никоновская летопись, 1862, 64].

Характерно, что исследователи не фиксируют в археологических слоях мерянских городищ конца X в. масштабных пожаров. Данный факт может свидетельствовать о том, что поход в мерянские земли киевских дружин привёл к подчинению мери без разрушения местных городищ.

В подавляющем большинстве поздних летописей сообщается о том, что после похода древнерусских дружин в Верхнее Поволжье в Ростове был посажен епископ Федор [Владимирский летописец, 1965, 38; Холмогоровская летопись, 1977, 29; Никоновская летопись, 1862, 64].

В качестве первого епископа Фёдор упоминается также в «Житии Авраамия Ростовского» и «Житии Леонтия Ростовского» [Житие, 1893, 2-3; Житие, http://krotov.info/acts/11/3/avraam_rostov.htm].

Нам доподлинно неизвестно, в каком году князь Ярослав Мудрый отправился в ростовские земли. «Повесть временных лет» сообщает о нескольких распределениях русских уделов под одним и тем же 988 годом: «И посади Вышеслава в Новгороде, а Изяслава Полотъскъ, а Святополка Турове, а Ярослава Ростове. Умершю же старейшему Вышеславу Новгороде, посадиша Ярослава Новгороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме, Святослава Деревехъ, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани» [Повесть, 1950, 54]. Согласно летописи В. Татищева, Вышеслав умер в Новгороде в 1010 г. [Татищев, 2003, 64]. Таким образом, автор «Повести» в одном сообщении оставил описание событий, произошедших в течение, как минимум десятилетия.

Нет никакой информации в русских летописях и о дате рождения князя Ярослава. Брак князя Владимира Святославича с полоцкой княгиней Рогнедой состоялся в 980 г. Кроме того, у него был старший единокровный брат Изяслав. А, следовательно, Ярослав не мог родиться ранее 982 г.

Княжичи в Древней Руси начинали принимать активное участие в военных походах с 9–12 лет. Таким образом, начало его правления в Ростове можно в лучшем случае отнести к 991 г., то есть к периоду после восстановления киевской юрисдикции в ростовских землях.

Скорее всего, князь Ярослав прибыл в Ростов одновременно с епископом Фёдором. На это указывает и найденное при раскопках археологических слоёв конца X в. Ростова и окрестных мерянских городищ оружие и конское снаряжение древнерусского и норманнского типа [Леонтьев, 1996, 58]. Очевидно, что в ростовские земли одновременно с епископом Фёдором прибыла великокняжеская дружина с князем Ярославом. Окончание же его ростовского княжения в «Повести временных лет» чётко привязано к дате смерти князя Вышеслава, умершего, согласно летописи Татищева, в 1010 г. Таким образом, правление Ярослава Мудрого в Ростове должно было длиться с 991–993 гг. по 1010 гг.

Больших успехов в деле христианизации мерянского населения Ростова и округи епископ Фёдор, скорее всего, не достиг. При раскопках археологических слоёв, относящихся к концу X в., в могильниках ростовской мери никаких резких изменений погребальной обрядности или предметов, связанных с христианским культом, исследователи не зафиксировали. Данный факт косвенно свидетельствует о том, что после прихода в ростовские земли епископа Фёдора большая часть мерянского населения осталась язычниками.

В пользу данного предположения свидетельствует и текст «Жития святого Леонтия Ростовского». Согласно данному источнику, Фёдор не смог убедить ростовских язычников принять христианство: «Феодоръ же постави црквь в ростове бѣ имя Влчца нашеа Бца и Прнодвѣя Мриа и оустрой ю велми чюдну. и много поучивъ я вере хртіаньстеи. но не можааше их привести до конца въ познние истиннаго бга» [Житие, 1893, 2–3].

Паствой епископа Федора, вероятно, стали прибывшие в мерянские земли славянские и норманнские дружинники и члены их семей, тогда как местные жители оставались преимущественно язычниками. Неслучайно автор «Жития Авраамия Ростовского» сообщил в своём труде о том, как пришедший в свите второго ростовского епископа Иллариона просветитель Авраамий обнаружил действующее капище Велеса в том районе Ростова, где жили коренные жители и который назывался «чудским углом».

Аналогичным образом развивались события и в землях клецинской мери. В конце X в. здесь возникло неукреплённое поселение Клецин на озёрной террасе между оврагом Глинянским и Александровой горой [Макаров, Несмиян, Муренцева, 2016, 151–152].

О том, что Клецин стал одним из форпостов княжеской власти в ростовских землях, свидетельствует находка здесь в археологическом слое конца X в. фрагмента трапециевидной подвески с княжеским знаком – трезубцем с растительным орнаментом. По мнению исследователей, этот предмет принадлежал одному из князей Ярославичей [Макаров, Несмиян, Муренцева, 2016, 151–152].

Вместе с тем в археологических слоях могильников клецинской мери конца X в. никаких следов изменения погребальной обрядности исследователи не зафиксировали. Вероятно, местные жители, как и их ростовские соотечественники, остались глухи к проповедям епископа Фёдора.

Согласно «Сказанию о построении града Ярославля», князь Ярослав Владимирович дважды ходил походом на жителей Медвежьего угла – городища, расположенного в Ярославском Поволжье. В первый раз местные жители были разбиты княжеской дружиной, признали Ярослава князем и поклялись в том Велесом. После первого столкновения жители Медвежьего угла нарушили свою клятву и спровоцировали повторный поход князя Ярослава. Князь одержал новую победу и приказал построить недалеко от Медвежьего угла город Ярославль. Однако ни разрушать посёлок, ни силой крестить местных жителей он не стал [Сказание, 1877, 9–11].

Раскопки древнейшей части Ярославля, Рубленного города, показали, что он был действительно построен в конце X в. и его древнейшая часть находилась недалеко от мерянского посёлка [Воронин, 1949, 186; Дубов, 1982, 69].

Вместе с тем, при раскопках курганных могильников Ярославского Поволжья никакого изменения погребальной обрядности в захоронениях, относящихся к концу X в., не было зафиксировано исследователями. Таким образом, подтвердились данные «Сказания о построении града Ярославля». Большинство местных жителей после военных походов князя Ярослава остались язычниками.

В конце X – начале XI вв. в землях владимирской мери возник ещё один древнерусский форпост – город Суздаль. Согласно данным археологии, суздальский детинец был построен на месте меряно-славянского поселения IX–X вв. Также в черте Суздаля на р. Мжаре найдены остатки другого мерянского селища, оставленного местными жителями в начале XI в. [Седов, 1987, 73].

Таким образом, можно предположить, что в начале 90-х гг., после военного похода славянских дружин, в мерянских землях была восстановлена великокняжеская власть и созданы города-форпосты – Ростов, Клецин, Ярославль и Суздаль. Вместе с тем миссионерская деятельность епископа Фёдора здесь закончилась неудачей. Вероятно, это было связано с тем, что первоначально славяне не имели в мерянских землях сильной опоры и не решались крестить местных жителей силой. И в «Житии святого Леонтия Ростовского», и в «Сказании о построении града Ярославля» сообщается о том, что епископ Фёдор и князь Ярослав Владимирович лишь «увесчевали» местных жителей или «молили» мерю принять христианство, не прибегая при этом к насилию.

Второй этап христианизации мерянского племени можно условно отнести к началу XI в., то есть к периоду вооружённого противостояния между мерянами и сторонниками великокняжеской власти. На некие антихристианские волнения в Верхнем Поволжье вполне определённо указывают как письменные источники, так и данные археологических исследований.

Так, согласно «Житию Леонтия Ростовского», епископа Фёдора изгнали из его епархии: «Феодоръ изгнаннъ бысть избъже о нихъ» [Житие, 1893, 29].

Более детальная информация содержится в «Житии Авраамия Ростовского». Согласно данному источнику, антихристианское восстание в ростовской земле произошло при князе Борисе Владимировиче, занимавшем ростовский престол с 1010 по 1015 гг.: «Сей убо преподобный отец наш блаженный Авраамий чудотворец дойде града Ростова, и бе первый епископ Феодор, да благоверный князь Борис Владимировичь. И бе распря и нестроение от неверных епископу. Видев же преподобный Авраамий сие от неверных насилие, и изыде из града подле озера, яко едино поприще» [Житие, http://krotov.info/acts/11/3/avraam_rostov.htm/].

Данные археологии свидетельствуют о том, что в начале XI в. антихристианское восстание спровоцировало вооружённый конфликт между ростовской мерей и представителями великокняжеской власти. В это время в 150–200 м от Сарского городища на выступе террасы противоположного левому берегу р. Сары появился воинский лагерь, названный археологами городищем Сарское 2. Он находился здесь на протяжении нескольких лет. Основной состав находок – военное снаряжение. Не найдено керамики, бытовых предметов или производственных орудий. В целом археологический комплекс Сарское 2 лишён определённой этнической окраски. Мерянских вещей в коллекции нет. Здесь были найдены предметы, аналогичные тем, что находили при раскопках славянских поселений Северо-Восточной Руси. Оба городища Сарское 1 (поселение) и Сарское 2 (воинский лагерь) были оставлены одновременно. Примерно в тоже время были заброшены и остальные мерянские поселения, расположенные вокруг озера Неро [Леонтьев, 1996, 101–103].

Можно предположить, что в начале XI в. дружина князя Бориса Владимировича окружила Сарское городище и вынудила местных мерян оставить свой племенной центр и другие городища, расположенные вокруг озера Неро.

Расположенные по соседству с мерянскими славянские поселения заброшены не были. Одновременно с упадком мерянских поселений на славянских появляются значительные элементы мерянской материальной культуры, что свидетельствует о том, что часть мерян, оставив свои городища и селища, перешла в славянские поселения [Седов, 1987, 73].

Кое-где на месте заброшенных мерянских городищ и селищ возникли новые смешанные славяно-мерянские поселения. Так, недалеко от заброшенного мерянского поселения Шурскол (вблизи Ростова) в первой половине XI в. возникло смешанное славяно-мерянское поселение Шурскол II, при раскопках которого были обнаружены предметы не только славянского, но и мерянского происхождения [Седов, 1987, 73].

Значительная часть населения оставленных мерянских поселений, расположенных вокруг озера Неро, могла перейти в Ростов. Согласно данным археологии, в начале XI в. начался его бурный рост. Из рядового мерянского посёлка тот быстро превратился в крупный древнерусский город со смешанным славяно-мерянским населением. Уже в начале XI в. его городская черта доходила до границ, очерченных ныне существующим валом XVII в. [Леонтьев, 1994].

Усилились и торговые связи города с восточнославянскими поселениями и христианскими странами. Исследователи зафиксировали в слоях первой половины XI в. предметы древнерусского, болгарского, византийского происхождения [Леонтьев, 1994; Леонтьев, <https://www.liveinternet.ru/users/sherlock/post47318095/>].

Вооружённое противостояние, видимо, распространилось и на мерянские поселения, расположенные вокруг озера Неро. Согласно данным археологии, местные мерянские поселения были оставлены одновременно с поселениями ростовской мери. В начале XI в. прекратил своё существование и местный племенной центр, расположенный на Александровой горе. Вместе с городищем должно было прекратить функционировать и местное святилище. Специалистам палеоботанических исследований отметили на Александровой горе в начале XI в. резкое изменение ландшафта. Вместо хвойного леса здесь появилась пустошь с рудеральной растительностью (значительную часть которой составлял иван-чай, который обычно активно растёт на пожарищах). Данный факт может указывать на масштабный пожар, который произошёл в Александровском городище и вокруг него в данный период [Алешинская, Кочанова, Макаров, 2008, 45].

Площадь Клещина, напротив, существенно увеличилась. Появилось значительное количество предметов восточнославянского и иноземного происхождения, в том числе куфические монеты, оружие и воинская амуниция древнерусского и норманнского происхождения. В курганах, относящихся к Клещинскому комплексу, в археологическом слое XI в. обнаружен ряд привозных вещей – бусы сердоликовые и из горного хрусталя, западноевропейские монеты, саманидский дирхем, крестики, так называемого, «скандинавского типа», некоторые привозные украшения, происходящие как из Северо-Западной Руси и Верхнего Поднепровья, так и из других стран. В погребеньях были найдены весы и гирьки, что свидетельствует об активном участии местного населения в торговле (этот комплекс находился на развилке водных и сухопутных путей) [Дубов, 1990, 92–95].

По мнению И.В. Дубова, Клещин возник на основе симбиоза выходцев из северо-западных районов (прежде всего, славян новгородских) и местных жителей. И те и другие компоненты, по его словам, хорошо прослеживаются в материалах погребений IX – начала XII вв. [Дубов, 1990, 92].

На месте заброшенных мерянских поселений у озера Плещеево возникло несколько десятков восточнославянских поселений. Во многих из них, впрочем, просматриваются отчётливо следы присутствия мерянского компонента [Леонтьев, 1996, 50].

Городища со смешанным славяно-мерянским населением, расположенные в Ярославском Поволжье, продолжили свое существование вплоть конца XI в. [Дубов, 1990, 71; Седов, 1987, 73].

В то же время в начале XI в. в местных курганных могильниках наблюдалась смена погребального обряда. Кремационные захоронения повсеместно сменяются ингумационными безынвентарными захоронениями, что вполне соответствует христианской традиции [Дубов, 1990, 69, 70–71; Энгватова, 2015, 66].

Можно предположить, что в начале XI в. очередная волна христианизации прокатилась и по землям Ярославского Поволжья, однако здесь обошлось без массового исхода населения из местных городищ.

Характерно, что примерно в тот же период прекратили своё существование и другие мерянские поселения – Мало-Давыдовское городище в Гаврило-Посадском районе Ивановской области, Сунгирьское, Теньковское и Якиманское городища Владимирской области, Ухтубужское городище Костромской области. Все они были оставлены местными жителями в начале XI в., примерно тогда же, когда были заброшены поселения ростовской и клещинской мери. Вместе с ними прекратились захоронения в местных могильниках. Самые поздние захоронения мери в костромских и тверских курганных могильниках относятся к началу XI в. [Комаров, 1981, 56; Седов, 1987, 71; Дубов, 1982, 60].

Оставление городищ в землях владимирской, костромской и ивановской мери могло быть спровоцировано насильственной христианизацией. Так, согласно надписи 1635 года в ризнице Богородице-Рождественского собора Суздаля, епископ Фёдор, изгнанный из Ростова, принял ся рьяно за христианизацию жителей Суздаля и его окрестностей: «Приям святитель Феодор паству словесных овец в Суждальской стране и, видя их помрачёнными, начал, возлагая на Бога упование, сеяти семя слова Божия, идольские капища разрушая; храмы же святые во славу Божию создавая и украшая. Зряще бо народи богоугодное житие его и кроткий нрав, и слыша богодухновенное учение его, по премногу удивляшися, обращахуся в веру Христову и приимаху святое Крещение» [Святитель Феодор Ростовский и Суздальский, <http://hram-olgi.ru/svyatitel-feodor-rostovskij-i-suzdalskij/>].

В исторической науке нет единой точки зрения относительно того, куда ушло население из мерянских поселений. По мнению А.А. Спицына, меря была полностью ассимилирована славянами – и поэтому искать её следы бессмысленно [Спицын, 1905, 66]. Его поддержал И.В. Дубов, по мнению которого произошло ненасильственное слияние мерянского и славянского субстрата. При этом исследователь отмечал важный вклад финно-угорских племён в материальную и духовную культуру древнерусского населения Северо-Восточной Руси [Дубов, 1982, 9].

Т.С. Семёнов пришёл к выводу о том, что мерянские племена под давлением славян-переселенцев оставили Верхнюю Волгу и ушли в марийские земли [Семёнов, 1891, 229].

По нашему мнению, часть мерянского племени переселилась в новые русские города-форпосты и славянские поселения. При их раскопках отчётливо просматриваются элементы традиционной мерянской культуры.

Часть же мерян могли насильственно переселить в другие регионы Руси. Так, в «Повести временных лет» находим следующие строки, относящиеся к 988 г.: «И рече Володимерь: “Се не добро, еже малъ городъ около Киева”. И нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне. И поча нарубати муже лучьшие от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сихъ насели грады; бе бо рать от печенегъ» [Повесть, 1950, 54]. Чудью древнерусские авторы называли в то время представителей всех финно-угорских племен. Не случайно автор «Жития Авраамия Ростовского» назвал район Ростова, в котором жила мера «чудским углом». Исходя из данного сообщения, можно предположить, что часть мерян переселили в южные регионы Руси.

На месте оставленных мерянских поселков и городищ повсеместно возникли смешанные славяно-мерянские поселения с преобладанием славянских элементов. Исследователи отмечают повсеместный переход местных жителей от курганных к грунтовым могильникам с ингумационными захоронениями, соответствующими христианской традиции [Степанова, 2010, 286, 294]. Данный факт свидетельствует о том, что ассимилированная славянами мера в большинстве своём в начале XI в. приняла христианство.

Заключение

На основании проведённого исследования можно прийти к выводу о том, что христианизация мери прошла несколько этапов. Первый этап совпал с периодом правления князя Ярослава Владимировича. На мерянских землях были построены города с христианскими храмами и воинскими гарнизонами, которые стали форпостами великокняжеской власти. Масштабного крещения в данный период князю Ярославу Владимировичу и епископу Фёдору добиться не удалось.

Второй этап пришёлся уже на период правления князя Бориса Владимировича в начале XI в. Между мерянскими племенами и пришлыми сторонниками великокняжеской власти произошло масштабное вооружённое противостояние, в результате которого часть мерян была ассимилирована пришлыми славянами и приняла христианство.

Библиографический список

1. Алешинская, А.С. Становление аграрного ландшафта Суздальского Ополя в Средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) / А.С. Алешинская, А.С. Качанова, Н.А. Макаров // Российская археология. – 2008. – № 1. – С. 35–47.
2. Воронин, Н.Н. Раскопки в Ярославле / Н.Н. Воронин // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 11. – 1949. – С. 177–192.
3. Дубов, И.В. Новые источники по истории Древней Руси. / И.В. Дубов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 173 с.
4. Дубов, И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки) / И.В. Дубов. – Ленинград: Изд-во Ленинградского государственного университета, 1982. – 248 с.
5. Житие Авраамия Ростовского [Электронный ресурс]. – URL: http://krotov.info/acts/11/3/avraam_gostov.htm / (дата обращения 02.02. 2024).
6. Житие святого Леонтия, епископа Ростовского с предисловием А.А. Титова. – М.: Типография Московского университета, 1893. – 35 с.
7. Комаров, К.И. Раскопки курганов у д. Плешкова / К.И. Комаров. – М.: Наука, 1981. – 154 с.
8. Кузьмин, А.Г. Крещение Руси / А.Г. Кузьмин. – М.: Эксмо, 2004. – 416 с.
9. Леонтьев, А.Е. Археология мери. К предистории Северо-восточной Руси / А.Е. Леонтьев. – М.: Геоэко, 1996. – 340 с.

10. Леонтьев, А.Е. Некоторые данные о топографии Ростова X–XIV вв. (по материалам археологических исследований). Материалы конференции 1994 г. [Электронный ресурс] / А.Е. Леонтьев. – URL: <https://www.rostmuseum.ru/museum/biblioteka/istoriya-i-kultura-rostovskoy-zemli/materialy-konferentsii-1994g-rostov-1995/leontev-a-e-nekotorye-dannye-o-topografii-rostova-x-xiv-vv-po-materialam-arkheologicheskikh-issledov/> (дата обращения 29.03.2024).
11. Леонтьев, А.Е. Новые данные археологии об истории Успенского собора / А.Н. Леонтьев // История и культура Ростовской земли. – Ростов: Издательство Ростовского государственного университета, 1991. – С. 3–6.
12. Леонтьев, А.Е. Ростов Великий. Археология города [Электронный ресурс] // А.Е. Леонтьев. – URL: <https://www.liveinternet.ru/users/sherlock/post47318095/> (дата обращения 21.03.2024).
13. Макаров, Н.А. Клещин – центр средневекового расселения на Плещеевом озере / Н.А. Макаров, О.А. Несмиян, Т.Ю. Муренцова // Археологические вести. – 2016. – Т. 22. – С. 140–154.
14. Повесть временных лет / Под ред. и с пред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 239 с.
15. Полное собрание русских летописей. – Т. 9: Никоновская летопись. – СПб.: Типография Э. Праца, 1862. – 256 с.
16. Полное собрание русских летописей. – Т. 28: Летописный свод 1497 г. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 409 с.
17. Полное собрание русских летописей. – Т.30: Владимирский летописец. – М.: Наука, 1965. – 240 с.
18. Полное собрание русских летописей. – Т.33: Холмогоровская летопись. Двинской летописец. – Ленинград, Наука, 1977. – 412 с.
19. Рапов, О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII вв. Принятие христианства / О.М. Рапов. – М.: Высшая школа, 1988. – 415 с.
20. Святитель Феодор Ростовский и Суздальский [Электронный ресурс] – URL: <http://hram-olgi.ru/svyatitel-feodor-rostovskij-i-suzdalskij/> (дата обращения 21.03.2024).
21. Седов, В.В. Финно-угры, балты и славяне в эпоху средневековья / В.В. Седов. – М.: Наука, 1987. – 510 с.
22. Семенов, Т.С. К вопросу о родстве и связи мери с черемисами / Т.С. Семенов // Труды VII археологического съезда. – М., 1891. – Т. 2. – С. 228–232.
23. Сказание о построении града Ярославля // Лебедев А. Храмы Власьевского прихода г. Ярославля. – Ярославль: Типография губернской управы, 1877. – С. 9–13.
24. Спицын, А.А. Владимирские курганы / А.А. Спицын // Известия Археологической комиссии. – 1905. – Вып. 15. – С. 84–72.
25. Степанова, Ю.В. Хронология древнерусских погребальных комплексов Верхневолжья / Ю.В. Степанова // Краткие сообщения Института археологии РАН. – 2010. – Вып. 224. – С. 285–296.
26. Татищев, В. История Российская / В. Татищев. – М.: АСТ, 2003. – Т. 2. – 735 с.
27. Тихомиров, И.А. О некоторых ярославских гербах / И.А. Тихомиров // Труды 3-го областного историко-археологического съезда во Владимире. – Владимир: Типография Губернского правления, 1909. – С. 35–40.
28. Щапов, Я.Н. Церковь в Древней Руси (до конца XIII в.) / Я.Н. Щапов // Русское православие: вехи истории. – М.: Политиздат, 1989. – 719 с.
29. Энговатова, А.В. Новые данные о датировке фортификации древнего Ярославля (по материалам раскопа «Рубленный город II – 2008 г.») / А.В. Энговатова // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. – Москва-Вологда: Древности Севера, 2015. – С. 53–68.

Текст поступил в редакцию 06.05.2024.

Принят к печати 05.06.2024.

Опубликован 24.12.2024.

References

1. Aleshinskaya A.S., Kochanova M.D. Makarov N.A. *Rossijskaya arheologiya* [Russian Archeology]. 2008, no. 1, pp. 35–47 (in Russian).
2. Dubov I.V. *Novye istochniki po istorii Drevnej Rusi*. [New sources on the history of Ancient Rus']. Leningrad: Izd-vo LGU, 1990, 173 p. (In Russian).

3. Dubov I.V. *Severo-Vostochnaya Rus' v epohu rannego srednevekov'ya (istoriko-arheologicheskie ocherki)* [North-Eastern Rus' in the early Middle Ages (historical and archaeological essays)]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1982, 248 p. (In Russian).
4. Engovatova A.V. *Goroda i vesi srednevekovoj Rusi: arheologiya, istoriya, kul'tura* [Cities and towns of medieval Russia: archeology, history, culture]. Moscow-Vologda: Drevnosti Severa, 2015, pp. 53–68 (in Russian).
5. Komarov K.I. *Raskopki kurganov u d. Pleshkova* [Excavation of burial mounds near the village of Pleshkova]. Moscow: Nauka, 1981, 154 p. (In Russian).
6. Kuz'min A.G. *Kreshchenie Rusi*. [Baptism of Rus']. Moscow: Eksmo, 2004, 416 p. (In Russian).
7. Lebedev A. *Hramy Vlas'evskogo prihoda g. Yaroslavlya* [Temples of the Vlasyevsky parish of Yaroslavl]. Yaroslavl: Tipografiya gubernskoj upravy, 1877, pp. 9–13 (in Russian).
8. Leont'ev A.E. *Arheologiya meri. K predystorii Severo-vostochnoj Rusi* [Archeology of Mary. To the prehistory of North-Eastern Rus']. Moscow: Geoko, 1996, 340 p. (In Russian).
9. Leont'ev A.E. *Istoriya i kul'tura Rostovskoj zemli* [History and culture of the Rostov land]. Rostov: Izdatel'stvo Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1991, pp. 3–6 (in Russian).
10. Leont'ev A.E. *Nekotorye dannye o topografii Rostova X-XIV vv. (po materialam arheologicheskikh issledovanij)* [Some data on the topography of Rostov X-XIV centuries. (based on archaeological research materials)]. Available at: <https://www.rostmuseum.ru/museum/biblioteka/istoriya-i-kultura-rostovskoy-zemli/materialy-konferentsii-1994g-rostov-1995/leontev-a-e-nekotorye-dannye-o-topografii-rostova-x-xiv-vv-po-materialam-arkheologicheskikh-issledov/> (accessed on March 29, 2024) (in Russian).
11. Leont'ev A.E. *Rostov Velikij. Arheologiya goroda* [Rostov the Great. Archeology of the city]. Available at: <https://www.liveinternet.ru/users/sherlock/post47318095/> (accessed on March 21, 2024) (in Russian).
12. Makarov N.A., Nesmiyan O.A. Murenceva T.Y. *Arheologicheskie vesti* [Archeological news]. St. Petersburg: 2016, vol. 22, pp. 140–154 (in Russian).
13. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [The Complete collection of Russian chronicles]. St. Petersburg: Tipografiya E. Praca, 1862, vol. 9, 256 p. (In Russian).
14. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [The Complete collection of Russian chronicles]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963, vol. 28, 409 p. (In Russian).
15. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [The Complete collection of Russian chronicles]. Moscow: Nauka, 1965, vol. 30, 240 p. (In Russian).
16. *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [The Complete collection of Russian chronicles]. Leningrad: Nauka, 1977, vol. 33, 412 p. (In Russian).
17. *Povest' vremennyh let pod red. i s pred. V. P. Adrianovoj-Peretc.* [The Tale of Bygone Years]. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1950, 239 p. (in Russian)
18. Rapov O.M. *Russkaya cerkov' v IX – pervoj treti XII vv. Prinyatie hristianstva* [Russian Church in the 9th – first third of the 12th centuries. Acceptance of Christianity]. Moscow: Vysshaya shkola, 1988, 415 p. (In Russian).
19. Sedov V.V. *Finno-ugry, balty i slavyane v epohu srednevekov'ya* [Finno-Ugrians, Balts and Slavs in the Middle Ages]. Moscow: Nauka, 1987, 510 p. (In Russian).
20. Semenov T.S. *Trudy VII arheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the VII Archaeological Congress]. Moscow: Tipografiya E. Praca, 1891, vol. 2, pp. 228–232 (in Russian).
21. Spicyn A.A. *Izvestiya Arheologicheskij komissii* [News of the Archaeological Commission]. 1905, vol. 15, pp. 84–72 (in Russian).
22. Stepanova Y.V. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii RAN* [Brief reports of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]. 2010, vol. 224, pp. 285–296 (in Russian).
23. *Svyatitel' Feodor Rostovskij i Suzdal'skij* [Saint Theodore of Rostov and Suzdal]. Available at: <http://hram-olgi.ru/svyatitel-feodor-rostovskij-i-suzdalskij/> (accessed on March 21, 2024) (in Russian).
24. Шапов Y.N. *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii* [Russian Orthodoxy: milestones of history]. Moscow: Politizdat, 1989, 719 p. (In Russian).
25. Tatischev V. *Istoriya Rossijskaya* [Russian History]. Moscow: AST, 2003, vol. 2, 735 p. (In Russian).
26. Tihomirov I.A. *Trudy 3-go oblastnogo istoriko-arheologicheskogo s'ezda vo Vladimire* [Proceedings of the 3rd regional Historical and Archaeological Congress in Vladimir]. Vladimir: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1909, pp. 35–40 (in Russian).
27. Voronin N.N. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* [Materials and research on archaeology of the USSR]. 1949, no. 11, pp. 177–192 (in Russian)
28. *Zhitie Avraamiya Rostovskogo* [Life of Abraham of Rostov]. Available at: http://krotov.info/acts/11/3/avraam_rostov.htm (accessed on February 2, 2024) (in Russian).
29. *Zhitie svyatogo Leontiya, episkopa Rostovskogo s predisloviev A.A. Titova* [The Life of Saint Leontius, Bishop of Rostov with a foreword by A.A. Titova]. Moscow: Tipografiya Moskovskogo universiteta, 1893, 35 p. (In Russian).

Submitted for publication: May 06, 2024.

Accepted for publication: June 05, 2024.

Published: December 24, 2024.